

Мистический узор судьбы

Читайте в серии «Мистический узор судьбы» романы Натальи Калининой

Яблоневый сад для Белоснежки
Малиновый запах надежды
Аромат колдовской свечи
Стеклянный омут
Семь сокрытых душ
Ледяной поцелуй страха
Секрет черной книги
Тонкая нить предназначения
Что скрывают зеркала
Станция похищенных душ
У судьбы две руки

Цикл о колдунье Инге

Узор твоих снов
Девушка, прядущая судьбу
Код фортуны
Побег из страны грёз

Цикл о команде исследователей

паранормальных явлений
Загадка старого альбома
Седьмой мост

«Испанский» цикл

Распахни врата полуночи
Зеркальный лабиринт
Проклятье музыканта

Наталья Калинина

судьбы
две руки

роман

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Оформление серии — *Елены Анисиной*
Иллюстрация на переплете — *Ольги Исаевой*

Калинина, Наталья Дмитриевна.

К17 У судьбы две руки : роман / Наталья Калинина. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Мистический узор судьбы. Романы Натальи Калининой).

ISBN 978-5-04-094277-0

Когда-то очень давно прекрасная Элизабет полюбила знатного сеньора Диего де ла Торре и заплатила за это чувство собственной жизнью. Уже в наши дни рыжеволосую Алину, скрывающуюся от жизненных разочарований в тихом горном поселке, посещают видения, связанные с жизнью Элизабет. Постепенно девушка понимает, что прошлое странным образом связано с настоящим, а поселок, где она поселилась, хранит свою страшную тайну и вовсе не такой мирный, как кажется на первый взгляд. Алину ждут тяжелые испытания, потери и... неожиданные приобретения. Ведь у судьбы – две руки, дающая и отнимающая.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Н., текст, 2018
© Исаева О., иллюстрация на переплете, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094277-0

Капельки росы блестяли в уголках паутины, подобно крошечным алмазам. Если бы не они, заметить тончайшую сеть, натянутую между нейлоновыми веревками, оказалось бы непросто. Впрочем, за месяц, что Алина жила в доме, у нее вошло в привычку, прежде чем развешивать белье, внимательно осматривать углы сушилки. Одним концом толстой трубы приспособление, похожее на выгнутый остов зонта, вращало в бетонный куб, от другого укропным венчиком расходились «спицы». И там, у основания «венчика», в дерматиновой обмотке прятался от утреннего солнца паучок.

— Опять вы за свое, Василий Степанович! — мягко пожурела его Алина, снимая сухой веткой идеально вытканную паутину. Не так давно паучок неосторожно показался из своего убежища, и Алина переселила его на жасминовый куст. Вынужденным переездом паук оскорбился, не прошло и дня, как он вернулся в свое старое жилище и с тех пор «троллил» девушку тем, что за ночь успевал оплести сетями все стороны су-

шилки. Алина терпеливо снимала палкой «художества» Василия Степановича, а на следующее утро на месте каждой снятой паутинки получала две новые.

— Красота! — выдохнула с улыбкой Алина и замерла с влажным полотенцем в руках. С этой площадки на верхней «террасе» каменистого сада открывался картинный вид на море. Его цвет менялся от бледно-серого до почти черного в дождливые дни, а в ясные — от голубого до насыщенного синего. Сегодня море сливалось с чистым небом в единое полотно, однородность которого нарушали лишь белые завитки облаков да солнечные отблески на водной глади. Алина без спешки развешивала белье, подставляя под поцелуи апрельского солнца побледневшие за зиму веснушки и позволяя шаловливому ветерку играть с растрепавшимися локонами. Она расправила на веревке белую простыню, и ветер тут же надул ту словно парус.

— Вышли бы вы наружу, Василий Степанович, погода такая хорошая! Не трону я вас, — пообещала Алина, беря в руки пустой таз. Паучок то ли ее не услышал, то ли проигнорировал. Зато на забор вспрыгнул серый в темную полосу кот и, повернувшись спиной к морю, принялся вылизывать лапу.

— Жорик, а твой хозяин где? — спросила Алина, только сейчас она поняла, что еще не видела соседа. Обычно старик Кириллов поднимался ни свет ни заря. В любой день, хоть до-

ждливый и ветреный, с его двора доносились шарканье метлы, стук топора, сухой треск раскальваемых полешек и другие уютные шумы, сопровождающие домашние хлопоты. Старику Кириллову стукнуло уже под восемьдесят, но энергии у него было как у молодого. Ежедневно после домашней работы сосед выпивал чашку сладкого чая, а затем совершал двухчасовой променад — к морю и обратно в гору. Перед прогулкой он обязательно заглядывал к Алине и спрашивал, не нужно ли той купить хлеба, потому что единственная булочная находилась под горой. Но сегодня старик Кириллов впервые за то время, что Алина его знала, не вышел утром во двор. Не раздавалось из-за забора привычного насвистывания и шороха метлы. Тишина, нарушаемая лишь легким шелестом листвы, с учетом этих обстоятельств из умиротворяющей сделалась тревожной. Алина торопливо отнесла таз, сунула в карман куртки кошелек с ключами и вышла на улицу.

Она отворила калитку и пересекла соседский двор, отметив валяющиеся на земле возле пня, на котором сосед обычно рубил дрова, топор и целое полено. Чтобы старик, так бережно относящийся к своему имуществу, да бросил инструмент? Алина подняла топор и аккуратно положила его на пень. То, что дверь в дом оказалась приоткрытой, но за нею также царил тишина, встревожило девушку еще больше.

— Петр Евсеевич! — громко позвала она в проем.

— Алиночка, ты? — раздался приглушенный голос соседа, оборвавшийся неожиданным оханьем. — Заходи, милая.

Старика Алина нашла в небольшой гостиной, в которую вел короткий коридор. Кириллов сидел на диване, завалившись набок, и тер рукой поясницу.

— Напасть какая приключилась. Вот, представь себе, — проворчал вместо приветствия он, — замахнулся топором, а тут спину раз — и прострелило. Кое-как доковылял до дивана, а вот с него теперь — никуда.

— Вызвать врача? — предложила Алина, вздохнув про себя с облегчением. Радикулит — это, конечно, напасть та еще, но она боялась другой беды, куда худшей. Сосед хоть и хвалится тем, что сердце у него — как мотор, но возраст все же коварно берет свое.

— Да ну брось ты, — отозвался Кириллов. — Придумала — врач! Из-за такой ерунды. Настойка у меня на травах и перце, ею и разотрешь. Да в платок из собачьей шерсти, который еще моя Варенька вязала, укутаюсь. А завтра как огурчик буду!

— Где ваша настойка? — спросила Алина.

— Вон в том шкафу.

— Давайте я вас разотру, — предложила гостья, отыскав обычную водочную бутылку с темным содержимым в ней.

— Ты мне просто на ладонь полей, я сам дотанусь. Лучше поищи в одежном шкафу платок. На верхней полке он.

Алина помогла старику повязать на поясицу платок и сесть поудобней, а затем приготовила чашку чая и намазала, как любил Петр Евсевич, ломоть вчерашнего хлеба медом. Придвинув к дивану журнальный столик, она постелила на него чистую скатерть и принесла завтрак.

— Эх, хлеб уже подсох, — вздохнул старик.

— Я сейчас пойду в поселок, куплю вам свежего, — откликнулась Алина. — Может, еще что вам надо? Лекарства?

— Лекарства у меня все, Алиночка, мед, чай да работа. Не надо ничего аптечного. Все у меня есть. Только хлеба, будь добра. И это... Я там топор бросил. Убери его, голубушка, на место. В сарае есть ящик для инструментов, ты знаешь. Неуважительно бросать топор на улице.

— Сделаю, Петр Евсевич, — отрапортовала Алина и пообещала вскоре вернуться.

Дорога с горки будто сама ложилась под ноги. Девушка бежала по ней легко, едва ли не вприпрыжку. То, что сосед прихворнул, огорчало, но все же не портило яркого, как день, настроения. Морская картина стояла перед глазами, словно гигантское полотно, до тех пор, пока Алина не свернула налево. Теперь солнце било не в глаза, а целовало горячими поцелуями разрумяненную щеку.

Алина поздоровалась с жителем углового дома, хоть и не знала имени этого мужчины с бородой и вечно взъерошенными русыми волосами. Нередко девушка видела его на террасе за мольбертом. Но сегодня мужчина, одетый в

темно-синий халат и с кофейной чашкой в руке, просто задумчиво любовался видом.

Возле третьего в переулке дома Алина заметила карету «Скорой помощи» и невольно замедлила шаг. Опять. Раз-два в неделю девушка стабильно видела возле этого одноэтажного домика, прячущегося за выкрашенным в солнечно-желтый цвет забором, машину, от которой веяло бедой. Кто живет в этом доме? Одинокий старик вроде соседа Кириллова, который страдает повышенным давлением или сахарным диабетом и не может самостоятельно дойти до врача? Алина поймала себя на том, что опять старается проشمыгнуть мимо «Скорой» торопливо и незаметно, испытывая угрызения совести, будто это она повинна в болезни хозяина домика с солнечным забором. Не в болезни повинна, а в том, что не оказывает помощь, хотя могла бы... Девушка на секунду зажмурилась и задержала дыхание, как перед прыжком в воду, силясь отогнать непрошеные мысли, что и старику Кириллову она могла бы помочь куда быстрее, чем травяная настойка.

Нет, она поклялась себе, что больше не возьмет в руки кисть. Алина пробежала переулок, который не любила еще и по другой причине — из-за углового пустующего дома, выставленного на продажу. Вернее, не из-за самого дома, дом выглядел вполне ухоженным, а из-за странного и отчего-то пугающего ее сооружения в виде мачты. Когда-то давно кто-то выкрасил старый столб, на котором еще сохра-

нился колоколообразный «абажур» с крупной лампочкой-грушей, в пожарный цвет, обрезал провода и приделал к верхней части «мачты» деревянную «корзину». С последней свешивалась веревочная лестница с деревянными перекладинами. Алине даже страшно было представить, что кто-то взбирался на такую верхотуру, хотя вид на море из дозорной «корзины» наверняка открывался захватывающий. «Мачту», похоже, никогда не реставрировали, потому что краска со временем облезла, ее куски повисли на досках «корзины» и на столбе крупной чешуей, под которой язвами обнажилось потемневшее дерево. Веревки лестницы обтрепались, сгнившие и переломленные перекладины щерились острыми обломками, которые не обтесали ни ветра, ни дожди. Сооружение казалось Алине таким пугающим, как застрявшая между рифами грот-мачта затонувшего корабля. Разве что не хватало водорослей и облепивших дерево ракушек. На «мачту» было страшно смотреть, но тем не менее она притягивала взгляд. И каждый раз, проходя мимо этого дома, Алина боролась с двумя противоположными желаниями — зажмуриться и поскорей проскочить неприятный участок пути и, наоборот, приблизиться и рассмотреть сооружение до деталей в смелой надежде, что, может, оно перестанет казаться ей таким отталкивающим.

Она с облегчением выдохнула, когда наконец-то вышла на центральную дорогу, ведущую

к небольшой прибрежной зоне с магазином и тесным кафе. Этот маленький поселок в Краснодарском крае, льющийся, словно ручеек, с горы к морю, был малолюдным, туристы сюда не заглядывали. Может, потому, что на карте его не отметили даже ничтожной точкой. Всего в двадцати километрах отсюда, в городе, куда и съезжались в сезон отдыхающие, жизнь бурлила. Здесь же царило затишье. Может, со стороны выглядело странным, почему молодая женщина двадцати пяти лет выбрала для проживания излишне спокойный поселок, когда могла бы поселиться в местном центре культуры и развлечений. Но Алина устала от мегаполиса и сознательно искала уединения.

В магазине никого, кроме худой, будто высохшей, продавщицы не оказалось. Алина с улыбкой поздоровалась со скупающей за прилавком женщиной и выбрала для соседа еще горячий, прямо из печи, багет, а для себя — буханку серого хлеба и пару плюшек к чаю. Когда девушка, расплатившись за покупку, повернула к двери, вдруг услышала за спиной предостерегающий шепот продавщицы:

— Сегодня — полнолуние.

— Простите? — оглянулась Алина. Продавщица смотрела на нее со смесью странной жалости и сочувствия.

— Полнолуние, говорю, — повторила та и подняла брови.

— Да... — растерялась девушка, не понимая, на что намекает женщина.

— Двери хорошо закрывайте. И окна, — вздохнула продавщица и повернулась к вошедшему в булочную новому покупателю — молодому мужчине. Алина поспешила выйти на насыщенную морской свежестью улицу.

Отщипнув от своей буханки кусочек, она положила кислую ароматную корочку в рот и медленно прожевала. Соблазн прогуляться вдоль моря, любуясь на плещущиеся у каменистого берега волны, был велик, но девушка помнила о прихворнувшем соседе, который не столько ожидал свежего хлеба, сколько, может, помощи. Поэтому Алина, не задерживаясь, повернула к ведущей в гору дороге. Она уже почти пересекла прибрежную часть поселка, когда ощутила внезапный озноб и ломоту в костях, какие бывают при заболевании гриппом. Но надежда на то, что ее всего лишь сразил вирус, растворилась в тошнотворном головокружении. Алина еще успела бросить взгляд на ближайшую лавочку, но добраться до нее уже не смогла.

...Она умирала. Оранжевые всполохи жадно облизывали сухие ветви, подползая к босым ногам и наполняя нестерпимым жаром все тело, заставляя его извиваться в тщетных попытках отсрочить мучительную смерть. Растрепавшиеся волосы облепили взмокшее лицо и прикрыли обнажившуюся из разорванной рубы грудь. Она кричала — не от боли и страха, а от вопиющей несправедливости, хоть и понимала, что взывать к разуму ополумевшей толпы бесполезно. Еще вчера к ним приходили со

своими бедами горожане, а сегодня те же люди с лицами, распаленными жаром от костра, с улюлюканьем наблюдали за ее гибелью. Ее крики только раззадоривали заполнившую площадь толпу, но не вызывали ни малейшего сочувствия. «Ведьма! Гори, ведьма!» – выкрикнул кто-то в безумном экстазе, и толпа подхватила вопль. «Ведьма! Ведьма! Сгинь, ведьма!» И она сгинет – на потеху предавшим ее горожанам, привязанная цепями к столбу и заключенная в огненное кольцо. В тот момент, когда пламя обожгло ее ноги, а в волосах затрещали искры, она сквозь пелену дыма и слез увидела того человека, который и погубил ее. Он стоял в первом ряду и в отличие от толпы не выкрикивал проклятия. Черная маска скрывала половину его лица, открывая только бородку и сжатые в тонкую линию губы. Он следил за ее казнью, не отводил взгляда, глаза его холодно блестели в прорезях маски, и в их изумрудной зелени отражались огненные всполохи. Этот полный ледяного спокойствия взгляд причинил ей боль куда более сильную, чем огонь. Она подавила рвущийся наружу новый крик и, собрав остатки сил, плюнула в сторону мужчины в маске, сопроводив сухой плевком проклятием...

Алину привело в чувство прохладное прикосновение к лицу. Девушка открыла глаза и увидела склонившегося над ней мужчину. Оказывается, она лежала прямо на земле, а незнакомец стоял перед ней на коленях. Он хмурился, и в его светло-карих глазах плескалось беспокойство. Когда мужчина заметил, что девушка пришла в себя, он

отдернул от ее щеки руку. Алина внезапно пожалела об этом, потому что прохлада его ладони приносила ей успокаивающее облегчение. Пожалела и удивилась, потому что ей никогда не нравились чужие прикосновения к лицу.

— Как вы себя чувствуете? — спросил мужчина. Голос у него оказался приятным. Алина пошевелилась, проверяя, цела ли, а затем осторожно села. Затылок ныл, видимо, ушибся при падении. Но в целом, если не считать этого и легкой слабости, она была в порядке.

— Хорошо, — ответила она незнакомцу. Он перевел дух и улыбнулся, отчего его симпатичное лицо сделалось еще привлекательней.

— Я шел следом и увидел, что вы внезапно покачнулись. Я бросился к вам, но не успел. Вы упали и потеряли сознание. Вызвать вам врача?

— Нет-нет, не стоит! — горячо запротестовала Алина, но машинально коснулась затылка, проверяя, не разбила ли голову при падении. Нехорошо как вышло... Упасть прямо на улице!

Мужчина будто вздохнул с облегчением. Но продолжал настаивать:

— Вы ударились. Нужно, чтобы вас осмотрел врач. К тому же вы отчего-то потеряли сознание. От солнечного удара или...

— Я не позавтракала. — Алина сморщила нос. — На диете, понимаете. Кажется, перестаралась с голодовкой.

— Куда вам еще на диете сидеть! — возмутился ее спаситель. — Стройная до прозрачности!